

«Веселая пятница»

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ хорошо знаком читателям и любителям эстрады. Недавно Михаил Михайлович отметил свое пятидесятилетие. От имени «Веселой пятницы» журналист В. Альбинин поздравил писателя и попросил ответить на несколько вопросов.

— Михаил Михайлович, что бы вы могли сказать о состоянии современной юмористической литературы?

— Сложный вопрос. Для ответа нужно встать в позу или сесть в кресло и с лицом метра начать оценивать, что мне не свойственно...

Мне вообще не нравится разделение литературы на юмористическую и неюмористическую. Они перетекают одна в другую. Я не встречал ни одного серьезного классика, у которого не было бы юмора. Или наоборот: чем, например, романы Ильфа и Петрова не классические произведения? А Булгаков?..

— Тогда более частный вопрос: ваше отношение к эстрадной драматургии?

— На концертах публика хохочет. Смешно пишут ребята. Зритель добавляет к этому собственный ум — получается сатира. Но запоминает зритель только умные остроты. Чтобы сказать об успехе на эстраде, нужно подождать. Зритель не ошибается. Если он раскупил билеты — это популярность. Если он запомнил — это успех.

— Занимаясь сатирой...

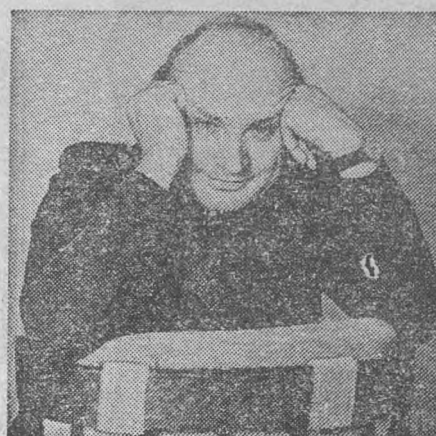
— Я занимаюсь не сатирой, а трезвыми размышлениями.

— Хорошо, размышлениями... Ну и как, по-вашему, сатира и юмор воздействуют на окружающих?

— Я начинал свою работу сатирика в области техники, мои монологи касались технических проблем. После того как я это опубликовал, из техники я ушел... Так вот, в оборудовании для морских портов, каким я занимался, заметны большие перемены. Не знаю, явилось это следствием моего ухода или научно-технической революции. И еще: ясно видно стало, как устарели очень многие фельетоны. Как сейчас стареют — просто на глазах — сатирические материалы. Значит, перемены происходят.

— Как вы находите, Михаил Михайлович, а меняются ли люди?

— Конечно. Прimitив уходит. На поверхность выходят более сложные люди. Сейчас любой карьерист, любой бюро-

БРАВО, САТИРА!

крат настолько сложен... Умен, по крайней мере, это уж факт! И образование у него, и диплом. Даже два диплома. И спортивность. И внешность... Явных дураков нет, не за кого уцепиться, как раньше.

— А каким вам представляется в идеале, скажем, тип начальника, под чьим руководством хотелось бы работать?

— Я знал такого человека, когда работал в Одесском порту. Морозов его фамилия... Я работал механиком по кранам, а он — старшим механиком. Однажды я остановил кран, потому что у него был износ троса. Все бросились к Морозову, а он сказал: «Это я остановил!»

— Взял на себя?

— Он всегда брал на себя. Умел доверять подчиненным. Человек, который берет ответственность на себя, — это для меня высший тип руководителя. Думаю, когда специалист, интеллигент и руководитель будет один и тот же человек, мы будем стараться на работе, чтобы такой человек сказал нам: «Спасибо!»

— Михаил Михайлович, на эстраде у нас много хороших артистов. Но часто «лишний билетик» зрители у входа спрашивают «на Жванецкого»! Не кажется ли вам, что зрительский интерес за последнее время вообще несколько сместился, больше внимания к себе стал привлекать на сцене писатель — человек, говорящий от себя?

— Да, похоже, так. Не случайно, например, встречи с писателями в Останкинской телестудии вызывают огромный интерес у зрителей: притягивает информация из первых рук. То же на эстраде: зачем слушать чужое исполнение, не всег-

да к тому же удачное, когда можно услышать автора?

— А кто ваши любимые артисты на эстраде?

— Прежде всего Аркадий Исаакович Райкин, с которым я долго работал и многому научился. Люблю Сергея Юрского, Александра Филипенко, Геннадия Хазанова. Интересно работают Ефим Шифрин и Геннадий Дудник. Отдельно хочу назвать Романа Карцева и Виктора Ильченко, с которыми связан всю свою творческую жизнь.

— В киноконцертном зале «Октябрь», где проходил недавно цикл вечеров «Пером и словом» и где вы выступали, как мне показалось, вы подвели итог какому-то этапу вашего творчества. В дни юбилея это естественно. Над чем, если не секрет, работаете сейчас?

— Сейчас я больше сучусь, чем работаю.

Жизнь в большом городе — это борьба за телефон, потом борьба с телефоном; это поиски лакомств и борьба с полнотой. Это борьба за одиночество и страх перед ним. Это огромное количество людей. Имена, которые запомнить невозможно. Я стал фальшивым: научился радоваться встрече, не узнавая партнера; из шести тысяч дружеских ударов по плечу узнаю два; если мне звонит Таня, выстраиваю целую систему, чтобы узнать, какая Таня.

Вот о таких особенностях жизни в большом городе наш новый спектакль «Браво, сатира!» в Московском театре миниатюр. Могу смело сказать — там Карцев и Ильченко на новой высоте. Миниатюры и есть миниатюры — это короткие вещи, сыгранные в один вечер. Но в них можно многое сказать и услышать. Ставит спектакль режиссер Роман Виктюк.

— Какие книги любите вы читать?

— Энциклопедический словарь. Люблю справочники: заполняю пробелы в образовании. Пятнадцать лет потратил на учебу — школа, технический вуз. Одесский порт... Я счастлив, что там работал, но гуманитарного образования не хватает.

— Я застал вас сегодня у телевизора, вы смотрели футбольный матч. Это ваш любимый вид спорта?

— Футбол огорчает, хоккей радует — эти слова мы произносим и пишем вместе. И всегда смотрим — то и другое. А дозу, скажем, фигурного катания на экране телевизора мне переварить трудно. Сейчас появилось еще и синхронное плавание, укрепились художественная гимна-

стика. У этих видов спорта много поклонников, они красивы — это модные виды спорта.

А футбол — сама жизнь. Трагичная и комичная. Пот и слезы.

В чем сходство спорта и эстрады? Почему они собирают стадионы? Потому что в том и другом случае на арене — жизнь, которую мы хотели бы прожить. Прожить вот так — ярко, остро, сильно, на пределе возможного. И вызвать такую же бурю в зале.

— Михаил Михайлович, вы обмолвились о модных видах спорта. А что вы думаете о модной одежде?

— Одеваться женщины стали так, что трудно оторвать взгляд, — мужчины выглядят нахалами. И ведут себя мужичьи смешно: пытаются конкурировать. Что-то невообразимое надевают, вешают брелоки, звенят цепочками... В общем, мешают себя слушать. В мужчине же должно быть что-то основное, поддерживающее, решающее и малокомпромиссное. Его должны слушать, а не рассматривать.

А если он не может заставить себя слушать, пусть ищет красивые штаны.

— Когда-то на вопрос, от лица какого героя вы пишете, вы ответили: «От лица обслуживаемого сферы обслуживания»...

— Сфера обслуживания и сейчас волнует моего героя, как, думаю, и всех читателей и зрителей. Конечно, нелегко уговорить одного человека обслужить другого. Но деваться некуда. Главное, чтобы это его не унижало, чтобы он чувствовал обоюдную пользу. Я оптимист: верю, что эти времена приближаются. Я, кстати, уже видел замечательных официантов. Со дня на день жду появления все тонко понимающих таксистов и продавцов...

— Михаил Михайлович, опасаясь, что вы могли упустить что-то для вас важное, хочу, чтобы один вопрос вы задали себе сами.

— Он у меня созрел. Давно созрел. Какой бы я хотел задать себе вопрос? Самый главный в жизни: стал бы я писателем, если бы исчезло то, о чем я пишу? Ответ: нет, не стал бы! Я пишу не для заработка, не для того, чтобы украсить литературу...

— Не могу не писать — это не про вас?

— Не про меня. Однажды зрители меня спросили: «Сатира — это оружие нападения или защиты?» В этом вопросе вся жизнь. Для меня — защиты. Я прихожу в магазин, мастерскую, прачечную — получаю удар, прихожу домой — пишу ответ. Такой своеобразный бокс. Но опять-таки говорю: устраним недостатки, наладим жизнь — перестану писать. Не для литературы я создан, для жизни...

Фото А. Шибанова.